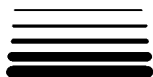
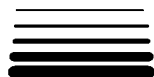

ЧЕЛОВЕК И МИР

Грани цивилизации

РОССИЯ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И КИТАЕМ

В.А. ШУПЕР

Профессор Университета Ницца София-Антиполис Жан-Поль Гишар (Guichard) совместно с Антуаном Брюнэ (Brunet) подготовил к публикации книгу под названием «**Экономический империализм. Гегемонистские устремления Китая**» (готовится русский перевод, в котором она предположительно будет называться «Геополитика меркантилизма: новый взгляд на мировую экономику и международные отношения»). В этой книге предпринята ревизия фундаментальных оснований экономической науки, которая трагическим образом отошла от идей «Политической арифметики» У. Петти (1623 – 1687).

Петти считал неразрывно связанными экономическое и военное могущество, поскольку в основе первого лежит положительный торговый баланс, а долго сохранять профицит внешней торговли редко удается слабым в военном отношении странам, ибо это вызывает крайнее недовольство тех стран, которые испытывают дефицит. В качестве недавнего примера можно привести японское «экономическое чудо», в основе которого лежал заниженный курс йены по отношению к доллару, обеспечивавший исключительную конкурентоспособность японских товаров на мировых рынках. Под мощным давлением США и стран ЕЭС Япония была вынуждена постепенно ревальвировать йену и это стало одной из главных причин застоя японской экономики 90-х годов, не преодоленного до конца и поныне. Длительное сохранение дефицита торгового баланса способствует экономическому ослаблению страны, что может привести и к ее политическому закабалению. Именно таким образом Франция установила контроль над Марокко и Тунисом.

Наоборот, Англия, как во времена Петти, так и в дальнейшем, вполне успешно проводила экспансионистскую политику на зарубежных рынках и протекционистскую у себя дома, что позволило ей стать мощнейшей мировой державой. Став ей, к середине XIX в. Англия проявила значительно большую заинтересованность в свобод-

ной торговле, нежели в протекционизме, однако еще в конце XVIII в. карались смертной казнью капитаны судов, ввозившие из Индии дешевые ткани. Этот же путь, как указывает проф. Гишар, прошли и США. Война между Севером и Югом, вопреки распространенному мнению, вовсе не была благородной борьбой за отмену рабства. Она была борьбой элиты южан против протекционизма вашингтонского правительства, защищавшего покровительственными пошлинами молодую американскую промышленность, бурно развивавшуюся в северных штатах, от удушающей конкуренции «мастерской мира». Южане же поставляли в Англию хлопок и были крайне заинтересованы в свободной торговле.

Миф о конечной победе демократии

Развитие экономической теории в XVIII и начале XIX века прежде всего в ставших классическими работах А. Смита (1723 – 1790), Ж.-Б. Сэя (1767 – 1832), Д. Рикардо (1772 – 1823) пошло по пути отрицания взаимосвязи экономического и политического могущества. Утверждалось, что торговля выгодна всем, и всегда способствует прогрессу. Такая точка зрения восходит к идее Ш.Л. де Монтескье (1689 – 1755), считавшего, что развитие торговли неизбежно способствует смягчению нравов. Едва ли такое мнение великого просветителя подтверждается Опиумными войнами, массовой гибелью от голода ткачей Калькутты в результате наводнения рынка более дешевыми английскими тканями или торговлей между Англией и Португалией, которая еще при жизни Монтескье привела к полному краху португальской промышленности, за исключением виноделия. Только Ф. Лист (1789 – 1846) решительно оппонировал представителям классической теории, считая протекционизм совершенно необходимым для становления отечественной промышленности, а государственное вмешательство в экономику – условием решения не только экономических, но и социальных задач, прежде всего – развития образования, наук и искусств. Лист придавал огромное значение инвестициям в то, что мы сегодня называем человеческим капиталом, и полагал это важнейшей задачей государства.

Заблуждения классической теории еще далеко не преодолены, и по сей день преобладает ошибочное мнение, будто развитие капитализма неизбежно приводит к демократии, хотя наивная вера в неизбежность перехода к демократии на достаточно зрелой стадии развития экономики с очень высокой вероятностью будет опровергнута Китаем. По мнению проф. Гишара, излагающего свои мысли без всяких дипломатических условностей, Китай сейчас совершает экономическую агрессию против Запада, в результате которой он еще более усилится и станет мировым гегемоном. Главный инструмент

этой агрессии – заниженный курс юаня¹. При этом проф. Гишар предостерегает от иллюзий, будто Китай удастся «поставить на место», как это в свое время удалось сделать в случае с Японией. Китай не является союзником США и имеет огромные геополитические амбиции, поэтому возможности оказания на него политического давления минимальны. Неудача попыток Б. Обамы добиться от китайского руководства согласия на ревальвирование юаня в ходе недавнего визита в Пекин была вполне ожидаемой. Меры воздействия экономического характера тоже крайне затруднительны, поскольку, в отличие от Японии, Китай в огромной степени специализируется на поставке комплектующих, а не готовой продукции, поэтому в США у него есть мощнейшее лобби. Что же касается экспорта готовой продукции, то значительную его часть составляет продукция западных фирм².

В этих условиях проф. Гишар настоятельно призывает к укреплению союза между Западом и Россией перед лицом общей опасности и резко критикует Запад за недостаточно дружественную политику в отношении России. Что же касается самой России, то проф. Гишар считает самоубийственным ее возможное сближение с Китаем, уподобляя его Мюнхенской сделке. Запад действительно вышел существенно ослабленным из последнего экономического кризиса, который явно рискует перерасти в затяжную депрессию. Китай же, напротив, существенно усилил свои позиции. Именно эти обстоятельства, если не полностью, то в значительной мере объясняют некоторое потепление в отношениях между странами НАТО и Россией. Тут можно вспомнить и первоначально очень резкую, но затем существенно смягчившуюся риторику по поводу военного конфликта с Грузией и «перезагрузку» американско-российских отношений по инициативе Б. Обамы, а также одновременно и долгожданное, и неожиданное улучшение отношений с Польшей, едва ли явившееся только результатом проявления солидарности после авиакатастрофы под Смоленском. Отметим, что решительное выражение В.В. Путиным солидарности с США после трагедии 11 сентября 2001 г. и целый ряд дружественных шагов в отношении Запада, которые за ним последовали, так и остались без ответа.

Однако осуществление этой прекрасной идеи сближения Запада с Россией неизбежно столкнется с многочисленными препятствиями как на Западе, так и в России. Начнем с Запада, где препятствия следует разделить на краткосрочные и долгосрочные. К первым следует отнести, прежде всего, весьма вероятное изменение реформаторского курса Б. Обамы. Демократическая партия уже утратила большинство в палате представителей после ноябрьских выборов, перспективы переизбрания самого Обамы на второй срок в условиях крайне вя-

лого восстановления экономики весьма туманны. Все это снижает вероятность каких-то новых прорывов в российско-американских отношениях, Слава богу, хоть удалось ратифицировать договор об СНВ в последние дни работы старого состава Палаты Представителей. Возможный приход к власти республиканской администрации, скорее всего, приведет к росту консерватизма в американской внешней политике и к снижению ее интеллектуального уровня. Наиболее наглядным примером поразительной политической близорукости лидеров ЕС стало недавнее заявление Н. Саркози о том, что он ожидает отмены виз в ЕС для россиян через 10 – 15 лет. Даже такой отнюдь не посредственный государственный муж не в состоянии осознать, что лет через 15 китайские визы будут интересовать россиян куда больше шенгенских.

Цикличность интеграционных процессов и «устойчивое» развитие

Важным фактором, который неизбежно скажется на отношениях между Западом и Россией, станет наступление второго глобального дезинтеграционного цикла. Представления о чередовании интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства развиваются в Институте географии РАН уже более трех десятилетий: сначала Б.Н. Зиминим³ (1929 – 1995), а затем Л.М. Синцеровым⁴. Мировое хозяйство как целостность сложилось к середине XIX в. и его возникновение ознаменовалось первым мировым экономическим кризисом 1857 г. Соответственно первый глобальный интеграционный цикл продолжался с середины XIX в. до 1914 г. Сейчас уже трудно себе представить, что во времена *belle époque* (1870 – 1914) мир был во многих отношениях даже более интегрированным, чем сейчас. Визы были изобретены только после Первой мировой войны, до этого их просто не существовало. Поражает размах трудовых миграций. На рубеже XIX – XX вв. США принимали до 1 млн. иммигрантов в год, что примерно соответствует нынешней иммиграционной квоте, только в 1900 г. население США составляло 76 млн. жителей, а не 308 млн., как сейчас. В начале XX века до 200 тыс. итальянских сельскохозяйственных рабочих, закончив сезон у себя на родине, отправлялись работать в Аргентину, а по весне возвращались обратно. Если сейчас евроэнтузиасты гордятся тем, что в Европе впервые со времен Римской империи введена единая валюта, то в 1913 г. во всех цивилизованных странах, и даже в получивилизованных, таких, как Россия, существовал золотой стандарт. Разумеется, валютнообменные операции, как всегда, были сопряжены с транзакционными издержками, но волатильность обменных курсов и инфляция, по нынешним меркам, были просто пренебрежимо малы.

По окончании Первой мировой войны были предприняты многочисленные попытки восстановить тот порядок вещей, который представлялся людям, выросшим в мире, где процветала международная торговля, а совершить кругосветное путешествие можно было имея в качестве единственного удостоверения личности свою визитную карточку естественным и разумным. К сожалению, их благородные устремления были заведомо обречены на провал в силу объективных причин, рассмотрение которых выходит за пределы этой статьи. Второй глобальный интеграционный цикл начался только после окончания Второй мировой войны и лишь к 70-м годам экспортная квота США достигла уровня 1913 г. Продолжался он примерно столько же, сколько и первый. Предвестником его завершения стал провал Дохийского раунда переговоров по ВТО. Экономическая интеграция России с ЕС в условиях нарастающего протекционизма будет затруднена, а стремление выйти на рынки высокотехнологичной продукции будет толкать Россию в направлении Китая, Индии и других стран третьего мира. В этом же направлении будет толкать Россию даже экспорт энергоносителей, потребление которых особенно быстро растет в Китае и других бурно развивающихся экономиках третьего мира. Европейский рынок уже сейчас, с точки зрения Газпрома, перенасыщен в результате поставок СПГ из стран Персидского залива. При этом газ может добываться из сланцев не только в США, что и привело к переориентации потоков СПГ, но и в самой Западной Европе.

К долгосрочным причинам следует отнести закат самого Запада, почившего на лаврах своих общественных институтов и совершенно забывшего, что эти институты — как паруса, которые должен наполнять ветер. Без смелости, творческого поиска и даже здорового авантюризма Запад никогда не добился бы своих успехов и сейчас его перспективы вовсе не хороши. Совершенствование общественных институтов с целью повсеместно исключить субъективный фактор, максимально учитывать мнение некомпетентного большинства, приводит к утрате главного — высокой цели, ощущения миссии, будь то «бремя белого человека» или защита демократии в условиях противостояния «империи зла». Идеологическая нищета здесь настолько очевидна, что ее пытаются прикрыть не выдерживающей никакой критики концепцией устойчивого развития.

Наука Нового времени стала, возможно, самым прекрасным порождением западной цивилизации и первой жертвой ее упадка. Финансирование науки с помощью грантов со всей очевидностью разрушает ее этический фундамент, не способствует ни воспроизводству научных кадров, ни поддержанию институтов строгой профессиональной критики. Прагматический подход к науке, пре-

небрежение к фундаментальным исследованиям губят ее в не меньшей степени. Это крайне опасно и для общества в целом, которое в силу стремительного падения интеллектуального уровня не способно осознать, что отсутствие заботы о воспроизводстве фундаментальных знаний куда опасней, нежели отсутствие заботы о воспроизводстве природных ресурсов, поскольку последние хотя бы отчасти обладают свойством взаимозаменяемости⁵. Наука как институт рациональной критики, основанной на высоком принципе равенства всех перед истиной, – последний бастион демократии в современном обществе и этот бастион скоро падет в силу многих объективных причин, будь то неизбежное распространение иррационализма в обществе потребления, на которое указывал Э. Геллнер⁶ (1925 – 1995), или столь же неизбежный закат демократии в условиях постиндустриальной трансформации, о котором писали М. Кастельс, Ф. Уэбстер, В.Л. Иноземцев и не только они.

Следует решительно пересмотреть и представления о благотворности глобализации, явно ставшие отголоском прекраснотушных взглядов Монтескье на международную торговлю. Уже на уровне подсознания принимается, что она способствует развитию всего человечества и, несмотря на некоторые негативные моменты, носящие частный характер, в целом исключительно позитивна. Между тем недавно скончавшийся Морис Алле (1911 – 2010), нобелевский лауреат по экономике, еще в 90-е гг. указывал на крайнюю опасность подобных иллюзий именно для Запада, который обречен все более интенсивно терять рабочие места и снижать темпы экономического роста⁷. Его бывший студент Ж.-П. Гишар подчеркивает наивность надежд на то, что Китай, Индия и другие страны с дешевой рабочей силой будут и далее оставаться исключительно «сборочным цехом» Запада, позволяющим последнему поживать на постиндустриальных лаврах, сосредоточившись на производстве высокотехнологичных услуг. Нематериальное производство также будет все более перемещаться в Азию, как ранее туда переместилась промышленность. Хороший пример – индийский Бангалор, ставший символом исследований в наиболее перспективных областях и массового развития оффшорного программирования. Даже если какие-то виды интеллектуальной деятельности действительно останутся специализацией стран Западной Европы, Северной Америки и Австралии, они едва ли создадут достаточно рабочих мест для жителей этих стран.

Интересен и поучителен анализ концепции устойчивого развития, предпринятый проф. Гишаром в контексте динамики мировой экономики. Три десятилетия после Второй мировой войны ознаменовались достаточно высокими темпами экономического роста – как для стран Западной Европы, так и для США. Эти темпы составляли

4 – 5%. В историю Франции этот период даже вошел под названием «славного тридцатилетия». С середины 70-х годов эти темпы стали снижаться, опустившись до 2 – 2,5%, что было связано в первую очередь с выводом промышленности в страны третьего мира. Именно тогда резко возросло внимание к проблемам качества окружающей среды, а в 1987 г. с подачи Г.Х. Брундтланд появилась концепция устойчивого развития, такого развития, которое сохраняет качество окружающей среды для настоящего и будущего поколений. Между тем выход на первый план экологических проблем стал возможным именно в силу того, что промышленные группы во все возрастающей степени выносили «грязные» производства за пределы высокоразвитых стран.

В том же направлении действовала и другая тенденция – рост благосостояния среднего класса, представители которого приобретали вторые и третьи жилища, предъявляя при этом высокие требования к качеству среды. Таким образом, появился спрос на идеологию, утверждающую необходимость трансформации количественного роста в качественный, избирателей убеждали в том, что они выиграют в качестве жизни, а не в материальном потреблении. Между тем очевидным следствием такого развития стал продолжающийся рост безработицы, формирование устойчивых групп населения, исключенных из общественного производства и потому имеющих совсем иные представления о качестве жизни. Следует считать трагическим заблуждением признание права на качественную окружающую среду приоритетным по отношению к праву на труд.

Грядущий мировой порядок: что выбрать России

Увы, главный враг западной демократии не снаружи, а внутри. Уже отмеченное стремление все сделать прозрачным и понятным некомпетентному большинству, что стало прямым результатом востания масс, по редко вспоминаемому сейчас Х. Ортеге-и-Гассету⁸ (1883 – 1955), неизбежно приводит к примитивизации, которая невероятно облегчает копирование. Утверждение материальной выгоды в качестве высшей ценности приводит к тому, что все продается. Трудно было бы сделать лучшие подарки Китаю: он все скопирует или купит. Пройдет 10 – 15 лет, и Китай, который не делает поспешных шагов, поскольку знает, что время работает на него, но при этом продвигается очень быстро, потратит миллиарды долларов на покупку западных СМИ, или, как минимум, «золотых перьев», на гранты европейским и американским ученым. Не изменится ли после этого состояние общественного мнения на Западе? Будут ли там по-прежнему петь «старые песни о главном»: потеплении климата, устойчивом развитии, демократии, правах сексуальных меньшинств

и т.п.? Более вероятно коренное изменение международной повестки дня в том мире, где все тверже будет звучать и голос Индии, несоответствие интересов которой со странами Запада уже приводило к провалу переговоров в рамках ВТО. На первый план выйдут вопросы развития, а не экологии, здравоохранения, а не прав человека, государственного суверенитета, а не международного гуманитарного сотрудничества. Если СССР без единого выстрела проиграл третью мировую войну, то Китай также без единого выстрела может выиграть четвертую и только для Индии реально составить ему какой-то противовес к середине столетия.

Западу, по всей видимости, предстоит серьезная девальвация валют, уже хотя бы в силу невозможности расплатиться с гигантским долгом, как минимум в случае США. Это позволит отчасти репатриировать промышленность, но приведет к серьезному снижению жизненного уровня. Между тем Э. Геллнер указывал на иллюзорность представлений о демократии как об устойчивом состоянии общества даже для самых цивилизованных стран, он связывал ее устойчивость с экономическим процветанием⁹. Снижение жизненного уровня сделает, по его мнению, средний класс существенно менее приверженным к демократическим ценностям, в результате чего демократия лишится главной своей опоры. А ведь очевидно, что решение задач экономического выживания должно побудить западные страны не только снизить жизненный уровень населения, но и одновременно поднять его образовательный уровень, т.е. заставить школьников как следует учиться, от чего отвыкли еще их родители. При этом недочкам изрядного возраста придется также сесть за парты, что создаст еще большую социальную напряженность. Ведь в условиях реиндустриализации потребуется включить в современную экономику не 20% населения, а все 80%. Увы, через 15 лет после смерти Геллнера его пророчества звучат еще более серьезно.

Условием выживания Запада проф. Гишар считает выход высокоразвитых стран из ВТО и создание новой организации (рабочее название ВТО-2), в которой будут воплощены идеи Дж.М. Кейнса (1883 – 1946) о необходимости организации, следящей за равновесием в международной торговле. Страны с существенным профицитом торгового баланса будут при этом стимулироваться путем наложения штрафов к ревальвированию национальной валюты, а страны со значительным его дефицитом будут таким же образом стимулироваться к ее девальвированию. Соответственно, против стран, не вступивших в ВТО-2, можно будет вводить заградительные пошлины. Следствием установления подобного мирового порядка станет рост внутреннего потребления в Китае и его снижение в странах Запада, что только подтверждает опасения Э. Геллнера. Между тем такой социальный

мыслитель, как лорд Скидельский¹⁰ также возвращается к кейнсианской идее о том, что дисбалансы в международной торговле могли бы быть устранены при обеспечении полной занятости и создании стабильной резервной валюты¹¹. В сходном направлении мыслит и М.Г. Делягин, считающий, что для России присоединение к ВТО — это вопрос о том, чтобы не опоздать на «Титаник»¹².

Не способствуют достижению великой цели, поставленной проф. Гишаром, и, мягко говоря, довольно приблизительные представления о России на Западе, прежде всего, весьма сомнительная идея, будто расцвет демократии в России сделает ее более дружественной Западу и менее склонной решительно отстаивать свои интересы на постсоветском пространстве. Еще Пушкин сказал, что единственный европеец в России — это правительство, Западу следует отчетливо представлять себе, что его главный союзник в России — коррумпированная элита, у которой на Западе не только собственность, но, как правило, и семьи, а потому работают эти люди в своей стране вахтовым методом, стремясь вывести из нее заработанное или захваченное. Эта элита крайне неэффективна и непопулярна, а дети сильных мира сего уже совсем не привязаны к родине (если Россия вообще является для них таковой), не стремятся в ней жить, вести бизнес и, тем более, принимать на себя ответственность за нее. Очень показательна огромная реклама *на русском языке* в аэропорту Ниццы: «В гостях как дома. Виллы на Лазурном берегу». Контролируемые государством СМИ далеко не так резко критикуют Запад, как западные СМИ — Россию, но когда антизападная риторика все же прорывается на экраны и страницы, она всегда находит широкую и благодарную аудиторию.

Сохранение у власти элиты, которую, строго говоря, даже нельзя назвать разложившейся, поскольку разложилась она еще до того, как сформировалась, обусловлено не жесткостью режима, а отсутствием хоть сколько-нибудь серьезной оппозиции. Тот порядок вещей, который существовал в 90-е гг., никакой симпатии в широких слоях населения не вызывал. Поэтому российское общество очень не дорого продало демократию, заключив с властью контракт по китайскому образцу: невмешательство в политику в обмен на постоянный рост благосостояния. Дальнейшее исполнение этого контракта сейчас под угрозой, но не видно никаких сил, которые могли бы составить конкуренцию нынешней власти. Однако нет и оснований полагать, что так будет всегда. Если к власти придут те, у кого по \$5 — 10 млн., а не по \$50 — 100 млн., и в силу этого нет вилл на Лазурном берегу, в отношениях с Западом многое изменится к худшему, в том числе и в силу значительно большей заинтересованности новой элиты в развитии отношений с Китаем. Этому будет способствовать и перемещение

оси мирового развития из атлантического региона в тихоокеанский, а крайняя слабость России именно на Дальнем Востоке является главным дефектом ее геополитического положения.

Следует хорошо себе представлять, что Россия — страна с быстро сокращающимся и стареющим населением, величие которой осталось в прошлом. Сейчас это 3% мирового валового продукта плюс статус ядерной державы. Российский национализм — скорее постимперский синдром, чем порыв к лучшему будущему. Едва ли такая страна сможет повторить подвиг Финляндии, в одиночку отстоявшей свою независимость в борьбе с огромной страной-агрессором, тем более что широкие слои российского общества будут уверены в том, что Запад стравливает Россию и Китай в своих интересах. Между тем для России выбор между Западом и Китаем — это выбор модели развития, демократической или авторитарной. Этот выбор будет сделан в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся как упадком демократии на Западе, проявившимся и в последнем кризисе, так и слабой укорененностью демократических традиций в российском обществе. Напротив, идеи евразийства находят несравненно большую питательную почву и развиваются весьма авторитетными мыслителями, среди которых достаточно назвать Л.Н. Гумилева (1912 — 1992) и С.Б. Лаврова (1928 — 2000). Следует хорошо помнить, что демонтаж демократии в нашей стране, ознаменовавшийся первым делом ЮКОСа (2003), начался практически сразу же после осознания провала очередной попытки сближения с Западом, о чем уже говорилось выше.

Автор не считает, что мир, в котором будет доминировать Китай, окажется лучше, чем мир, в котором доминируют США, однако вынужден признать именно такое развитие событий наиболее вероятным. Что же касается многополярного мира, то он, по-видимому, может существовать только в качестве переходного состояния, к тому же неустойчивого — обе мировые войны разразились в многополярном мире. Самым достойным выбором для России было бы поднять знамя, которое выронил Запад, реконструировать страну на основе тех принципов, благодаря которым Запад достиг своих выдающихся успехов, и, утратив которые, он сейчас угасает. Именно такой путь в наибольшей степени соответствует идеалам просвещенного патриотизма, ибо он предполагает критическое и селективное использование полезного зарубежного опыта при приоритете веры в собственный разум и в свои силы. У нас же руководство исходит из того, что ничто в нашей стране не может и, главное, не должно быть лучше, чем на Западе. Прекрасная идеология для догоняющего развития, которое на практике может быть только развитием обгоняющим!

Примером смелого и мужественного прорыва могла бы служить уже упоминавшаяся Финляндия. Эта маленькая северная страна решительно дала отставку постмодернизму и, вдохновляясь идеалами Просвещения, создала на задворках Европы, возможно, лучшую в мире систему среднего образования¹³. Если сражение у Садовы (1866) выиграл прусский учитель, то именно финский учитель обеспечил не то что расцвет, а взлет в недавнем прошлом очень бедной страны, почти лишенной необходимых для развития природных ресурсов. Коль скоро Финляндию стали называть с конца 60-х годов северной Японией, отметим, что и в японских школах учебный год продолжается 240 дней, в то время как в американских – 180, да и учат в Японии вряд ли хуже. Для нашей страны выбор в пользу просвещенного патриотизма потребует огромной политической воли, высокого интеллектуального уровня и, разумеется, элиты, способной проявить эти качества. Ведь нынешняя не дотягивает не то что до Петра, но даже до Меншикова. Поэтому и мысли у нее совсем не хитрые: надо крепче держать за хвост Запад, а уж он-то знает куда идти. Если эти люди ни на что другое не способны, может, стоит попытаться хотя бы объяснить им, что держаться надо за другой хвост, ставя не на тех, кто заведомо проиграл?

Ведь лет через двадцать начнется третий глобальный интеграционный цикл и его дирижерами будут уже не Великобритания и США, как в случае первого и второго циклов соответственно, а Китай.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Валютный протекционизм значительно эффективнее таможенного и к тому же с 1973 г., когда МВФ перестал заниматься регулированием обменных курсов, совершенно ненаказуем.

² Соглашение США на вступление в ВТО страны с неконвертируемой валютой, курс которой полностью контролируется Народным Банком Китая, трудно объяснить иначе, как усилиями прокитайского лобби.

³ Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина / Сост. А.П. Горкин, Ю.Г. Липец. – М.: Альфа-М, 2003.

⁴ *Синцеров Л.М.* Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения.* 2000. № 5.

⁵ См.: *Шупер В.А.* Россия в глобализованном мире: альтернативы развития // *Вопросы философии.* 2008. № 12.

⁶ См.: *Геллнер Э.* Разум и культура. Историческая роль рациональности и рационализма. – М.: Московская школа политических исследований, 2003.

⁷ См.: *Allais M.* La Mondialisation, la destruction des emplois et de la croissance, l'évidence empirique. – Paris: Clément Juglar, 1999. Русск. пер.: *Алле М.* Глобализация: разрушение условий занятости и экономического роста. Эмпирическая очевидность. – М.: ТЕИС, 2003; *Allais M.* L'Europe en crise,

que faire? Réponses à quelques questions, pour une autre Europe. – Paris: Clément Juglar, 2005.

⁸ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Избранные труды / Сост., предисл. и общ. ред. А.М. Руткевича. – М.: Весь мир, 1997.

⁹ *Геллер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Ad Marginem, 1995.

¹⁰ См.: *Skidelsky R.* The Wars of Austerity // Robert Skidelsky's Website. 18.10.10, 21:06. (<http://www.skidelskyr.com/site/article/the-wars-of-austerity/>).

¹¹ На Бреттон-Вудской конференции (1944), определившей финансовую архитектуру послевоенного мира, Кейнс предлагал создать международную резервную валюту – банкор, однако в силу ослабления позиций Великобритании в ходе Второй мировой войны и усиления США мировой резервной валютой стал доллар. После окончательного отказа от привязки курса доллара к золоту в 1971 г. это породило многочисленные злоупотребления.

¹² См.: *Делягин М.Г.* Присоединение России к ВТО: успеем ли мы на «Титаник»? // АПН.ру, 22 февраля 2002 г. (http://www.patriotica.ru/actual/delyagin_vto.html).

¹³ См.: *Волков А.* Девиз «Поколения Doof»: знание – мыло? // Знание – сила. 2008. № 8.

Аннотация

В статье рассматриваются разные подходы к фундаментальным основаниям экономической науки. Ставится задача решительного противостояния валютному протекционизму КНР как средству экономической агрессии против Запада. России предстоит сделать выбор модели развития – демократической или авторитарной – в крайне неблагоприятных условиях, характеризующихся усилением Китая и ослаблением Запада.

Ключевые слова:

демократия, авторитаризм, модель развития, интеграционный цикл, дезинтеграционный цикл, чередование циклов.

Summary

The article considers the fundamental bases of economics. The author puts forward a task to resist protectionism of China as an instrument of it's fight against the West. Russia will be faced with the difficult choice of the development model – democratic or authoritarian – in a very unfavourable conditions: the strengthening of the China and the weakening of the West.

Keywords:

democracy, authoritarianism, development model, integration cycle, disintegration cycle, alternation of cycles.